

И.Ф. Никольский

К истории раскола в остзейском
крае

Опубликовано:
Христианское чтение. 1885. № 1-2. С. 146-178.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Къ исторіи раскола въ остзейскомъ краѣ

Въ статьѣ: „Русскіе дѣятели въ остзейскомъ краѣ“, помѣщенной въ двухъ послѣднихъ книжкахъ „Историческаго Вѣстника“ за прошлый годъ, г. Лѣсковъ замѣчаетъ, что статья его подъ заглавіемъ: „Иродова работа“, въ которой онъ сообщилъ „нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности князя Александра Аркадьевича Суворова за время его генераль-губернаторства въ остзейскомъ краѣ“, — именно объ отношеніяхъ его „къ русскимъ раскольникамъ“, и которая была напечатана имъ въ апрѣльской книжкѣ того же журнала за 1882 годъ, „вызвала глухое негодованіе со стороны нѣкоторыхъ органовъ печати и ни одною (курсивъ въ подлинникѣ) фактическаго опроверженія“ (Истор. Вѣстн. 1883 г., ноябрь, стр. 238).

Не легко угадать истинный смыслъ этого замѣчанія. Но если г. Лѣсковъ хотѣлъ сказать, что его „Иродова работа“, которую онъ писалъ „съ документами въ рукахъ“ (Истор. Вѣстн. 1882 г., стр. 187) и „съ отвѣтственностію за каждое слово“ (тамъ же, стр. 186), представляетъ одну правду, которая, по пословицѣ: правда глаза колетъ, можетъ возбуждать только „глухое негодованіе“, но противъ которой невозможно сдѣлать „ни одного фактическаго опроверженія“, — въ такомъ случаѣ мы можемъ увѣрить нашего „талантливаго литератора“¹⁾, что онъ жестоко ошибается.

Нижеслѣдующія фактическія данныя покажутъ, что для правильной оцѣнки отношеній князя Суворова къ раскольникамъ ост-

¹⁾ Такъ титулуется г. Лѣскова „Новос Время“ въ 2894 № за настоящій годъ.

зейскаго края недостаточно одного знакомства съ „дѣлами рижскаго генераль-губернаторскаго архива“, чѣмъ хвалится г. Лѣсковъ чуть не на каждой страницѣ своей „Иродовой работы“ (стр. 187, 189, 191, 192, 201 и др.), а нужно еще нѣчто другое.

Главныя положенія, которыя развиваетъ и доказываетъ г. Лѣсковъ въ указанной статьѣ, состоятъ въ томъ, что князь Суворовъ, въ бытность его остзейскимъ генераль-губернаторомъ, былъ для тамошнихъ раскольниковъ „тяжелѣе всѣхъ правителей изъ коренныхъ нѣмцевъ“ (стр. 187); что о немъ остзейскіе раскольники „вспоминаютъ съ ужасомъ, какъ о бичѣ Божиѣмъ, въ мысляхъ котораго (бича?), по ихъ мнѣнію, самъ Господь не былъ властенъ“ (стр. 189), что наконецъ, „пользуясь полнымъ довѣріемъ императора Николая Павловича, князь Суворовъ не только не стѣснялся уклоняться отъ исполненія Высочайшей воли“, но, что еще хуже, даже позволялъ себѣ иногда „вводить своего монарха въ заблужденіе и вызывать его на гнѣвъ и незаслуженныя кары“ противъ рижскихъ раскольниковъ (стр. 206).

Какъ видитъ читатель, г. Лѣсковъ взводитъ на князя Суворова не легкія обвиненія. Чѣмъ же онъ доказываетъ ихъ?

„Въ остзейскомъ краѣ, говоритъ г. Лѣсковъ, живетъ очень много старовѣровъ ¹⁾ еодосѣвскаго и поморскаго, или, вѣрнѣе сказать, смѣшаннаго еодосѣвско-поморскаго толка. Они очень хорошіе русскіе люди, и такъ именно аттестовали и аттестуютъ ихъ нѣмцы... Притомъ здѣшніе старовѣры нѣсколько „пошлифованы“...; но всего лучше у нихъ то, что они долѣе всѣхъ своихъ срединныхъ со-толковниковъ могли уберечь сильное *общинное управленіе и школу*, которыми очень дорожили и сохраняли ихъ „при всѣхъ правительствующихъ нѣмцахъ“, доколѣ не добрался до нихъ русскій князь Суворовъ и повелъ *иродову работу*“ (стр. 188) ²⁾.

¹⁾ Авторъ постоянно называетъ раскольниковъ старовѣрами, хотя вѣроятно самъ сознаетъ несправедливость такого названія.

²⁾ Мы затрудняемся понять, почему нѣкоторыя выраженія въ приведенной

Прежде всего—о школь. Изъ словъ г. Лѣскова мы въ правѣ заключить, что такъ называемая гребенщиковская раскольниковья школа существовала въ Ригѣ до князя Суворова и что какъ эта школа, такъ и другія частныя раскольниковья школы, были закрыты имъ (снес. стр. 189—190). Если это извѣстіе справедливо, въ такомъ случаѣ не трудно объяснить, почему рижскіе раскольники на предшественниковъ князя Суворова по генераль-губернаторству въ остзейскомъ краѣ—особенно „иноплеменнаго происхожденія“ не жалуются, а нѣкоторыхъ изъ нихъ даже считаютъ своими „благодѣтелями“, и почему только о свѣтлѣйшемъ Суворовѣ они вспоминаютъ съ ужасомъ, какъ о бичѣ Божіемъ. Дѣло въ томъ, что еще въ 1832 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи рижской раскольниковей школы, какъ учрежденной „въ противность началъ, на коихъ заведены народныя школы“, и управлявшейся „учителемъ изъ шлокскихъ мѣщанъ, раскольниковъ, между тѣмъ какъ постановленіемъ 1820 года воспрещено выбирать изъ раскольниковъ въ общественныя должности, и потому еще менѣе можно допустить раскольнику быть наставникомъ юношества“ (Собр. пост. по част. раск. 1858 г., стр. 134). Это Высочайшее повелѣніе, если вѣрить г. Лѣскову, оставалось безъ исполненія при всѣхъ „правительствовавшихъ нѣмцахъ“, бывшихъ остзейскими генераль-губернаторами до князя Суворова ¹⁾, и только послѣдній рѣшился исполнить его. Нѣтъ спора, что такое дѣйствіе „русскаго князя“ было не по вкусу рижскимъ раскольникамъ, но осуждать за него Суворова, какъ дѣлаетъ это г. Лѣсковъ, значить не знать, что въ данномъ случаѣ онъ былъ только точнымъ исполнителемъ Высочайшей воли.

Но г. Лѣсковъ не ограничивается тѣмъ, что несправедливо

тирадѣ обставлены значками: ужели и они взяты г. Лѣсковымъ изъ дѣлъ рижскаго генераль-губернаторскаго архива?

¹⁾ При баронѣ Паленѣ, по словамъ г. Лѣскова, раскольниковья школы существовали даже съ разрѣшенія директора училищъ (стр. 196).

починъ въ закрытіи гребенщицковской и другихъ частныхъ раскольничьихъ школъ въ остзейскомъ краѣ приписываетъ князю Суворову; онъ хотя не прямо, но тѣмъ не менѣе не двусмысленно даетъ понять, будто бы князь Суворовъ вообще былъ врагомъ образованія раскольниковъ и покровителемъ невѣжества ихъ. „Правительство было успокоиваемо, пишетъ г. Лѣсковъ, что тринадцать тысячъ его русскихъ подданныхъ, поселенныхъ между нѣмцами, не имѣютъ ни одной русской школы и коснѣютъ въ чудовищномъ невѣжествѣ, въ срамъ и поношеніе русскаго имени. Во все время управленія остзейскимъ краемъ князя Суворова въ Ригѣ не было ни одной русской школы“ (стр. 189). Извѣстныя намъ данныя говорятъ объ этомъ предметѣ совершенно другое. Князь Суворовъ не только не хвалился тѣмъ, что при немъ у русскихъ и въ частности у раскольниковъ не было въ Ригѣ ни одной школы, а напротивъ самъ хлопоталъ, хотя и не всегда успѣшно, объ открытіи школъ въ Ригѣ какъ для русскихъ вообще, такъ въ частности для дѣтей раскольниковъ. Такъ въ 1853 году, согласно постановленію рижскаго секретнаго совѣщательнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ, непремѣннымъ членомъ котораго былъ генераль-губернаторъ остзейскаго края (Собр. постан. по част. раск. 1858 г., стр. 491), князь Суворовъ ходатайствовалъ предъ правительствомъ объ устройствѣ въ принадлежавшей гребенщицковскому заведенію дачѣ Гризенбергъ реальной школы для сиротъ раскольниковъ, подобно лютеранскому заведенію Плескададь (тамъ же, стр. 589—90). А когда это ходатайство не было уважено Государемъ Императоромъ на томъ основаніи, что „это имѣло бы видъ покровительства расколу, и по той причинѣ, что воспитаніе дѣтей въ раскольническихъ правилахъ могло бы послужить къ усиленію и распространенію впоследствии самаго раскола“, — князь Суворовъ въ концѣ того же 1853 г. начинаетъ хлопотать объ учрежденіи въ Ригѣ русскихъ начальныхъ школъ „съ цѣлію распространенія между низшими классами русскаго населенія въ Ригѣ, и преимущественно между раскольниками, необходимаго просвѣщенія“ (Собр. постан.

по част. раск. 1860 г. кн., 2, стр. 556—58), каковыя хлопоты въ слѣдующемъ 1854 году и оканчиваются полнымъ успѣхомъ. „Уставъ начальныхъ русскихъ училищъ въ городѣ Ригѣ“, поступленіе въ которыя было обязательно „для всѣхъ вообще дѣтей русскаго происхожденія, приписанныхъ къ г. Ригѣ и принадлежащихъ къ податному состоянію родителей“, за исключеніемъ тѣхъ, родители которыхъ имѣли средства обучать своихъ дѣтей дома и о дѣйствительномъ обученіи ихъ могли представить удостовѣреніе обучающихъ ихъ наставниковъ, а также мѣстной полиціи, или желали воспитывать дѣтей своихъ въ другомъ какомъ либо казенномъ или частномъ учебномъ заведеніи и о дѣйствительномъ ученіи ихъ могли представить удостовѣреніе начальства того заведенія (§ 9), и въ которыхъ обученіе было бесплатное (§ 8); послѣ довольно продолжительной переписки между министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ св. Синодомъ былъ утвержденъ и при указѣ св. Синода отъ 29 ноября 1854 года препровожденъ къ рижскому преосвященному, съ предписаніемъ имѣть негласное наблюденіе за точнымъ исполненіемъ устава, въ особенности за преподаваніемъ закона Божія, съ тѣмъ, чтобы объ успѣхѣхъ ученія и нравственномъ состояніи учащихся представлялъ онъ св. Синоду ежегодные отчеты.

Впрочемъ и самъ г. Лѣсковъ представляетъ въ своей статьѣ нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что князь Суворовъ не былъ такимъ врагомъ раскольниковъ и раскольническаго образованія, какимъ старается выставить его авторъ „Иродовой работы“. Когда бывшій чиновникомъ особыхъ порученій при остзейскомъ генераль-губернаторѣ г. Шиндтъ, набравши у раскольниковъ разныхъ деревень нѣсколько просьбъ объ открытіи школъ, которыя впрочемъ и безъ разрѣшенія, благодаря потачкѣ нѣмцевъ, были уже заведены, представилъ эти просьбы князю Суворову— вмѣстѣ съ заявленіемъ орднунгстерихтовъ „о необходимости учрежденія особыхъ первоначальныхъ раскольниковыхъ школъ во всѣхъ обитаемыхъ раскольниками мѣстностяхъ“, —свѣтлѣйшій, по словамъ

г. Дѣскова, „поддался прогрессіи, въ которой нѣмцы убѣдили его въ пользу русскихъ старовѣровъ“, и 23 декабря 1860 года сообщилъ мѣстному преосвященному „о ходатайствѣ ордунастерихтовъ о разрѣшеніи раскольничьихъ начальныхъ школъ“ (стр. 199—201). Правда, когда рижскій преосвященный далъ знать князю Суворову, что онъ съ своей стороны не признаетъ возможнымъ исполнить просьбы раскольниковъ о разрѣшеніи имъ завести для своихъ дѣтей начальные школы, — свѣтлѣйшій не только „не настоялъ на томъ, куда клонили его нѣмцы, выразителями которыхъ служили ордунастерихты и г. Шмидтъ“, т. е. не только не разрѣшилъ школы собственною властію, но даже „не положилъ конца ихъ преслѣдованію“ (стр. 202). Но обвинять за это Суворова, значитъ не знать, что онъ и не могъ поступить иначе безъ нарушенія существовавшихъ по этому предмету постановленій. Еще въ 1838 году Высочайше было повелѣно сообщить генералъ-губернатору прибалтійскихъ губерній, чтобы онъ 1) наблюдалъ неослабно всѣ постановленія, касательно раскольниковъ, преподанныя въ руководство гражданскимъ начальствамъ, и 2) удовлетворялъ тѣмъ требованіямъ духовнаго начальства по дѣламъ о расколникахъ, которыя согласуются съ существующими постановленіями (Собр. постановл. мѣст. раск. 1858 г., стр. 291)¹⁾; а относительно занимающаго насъ вопроса еще въ 1836 г. были св. Синодомъ составлены и Высочайше утверждены правила, по которымъ первоначальное обученіе поселянскихъ и особенно раскольническихъ дѣтей возложено было на обязанность приходскаго духовенства, которому позволялось обучать раскольническихъ дѣтей даже по старо-

¹⁾ Затѣмъ въ «Наставленіи для руководства при исполнительныхъ дѣйствіяхъ и совѣщаніяхъ по дѣламъ до раскола относящимся къ разсланному въ 1858 году министромъ внутреннихъ дѣлъ всѣмъ начальникамъ губерній, первый § гласилъ слѣдующее: «въ дѣлѣ раскола гражданское начальство дѣйствуетъ единодушно съ духовнымъ и взаимно стремясь къ одной главной цѣли, къ искорененію въ народѣ раскольническихъ заблужденій» (Собр. постановл. мѣст. раск. 1860 г., кн. 2, стр. 832).

печатнымъ книгамъ, если бы того пожелали родители ихъ (тамъ же, стр. 222—5). Правила эти, составленные первоначально для олонеккой губерніи, впоследствии съ Высочайшаго разрѣшенія были распространены „на всѣ губерніи, гдѣ есть раскольники“ (тамъ же, стр. 238—9). Затѣмъ, когда въ 1839 году доведено было до свѣденія Государя Императора о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раскольники, получая установленныя свидѣтельства на званіе домашнихъ наставниковъ, занимались обученіемъ дѣтей,—Его Величество, „находя, что какъ основаніемъ воспитанія юношей должны быть истинныя правила религіи, то изъ сего самаго проистекаетъ, что раскольникъ, заблуждающійся въ понятіяхъ о вѣрѣ, не можетъ быть учителемъ“, 28 поября Высочайше повелѣтъ соизволилъ—сообщить министру народнаго просвѣщенія, чтобы отъ учебныхъ мѣстъ и пачальствъ не были выдаваемы раскольникамъ дозволительныя акты на право обученія дѣтей (тамъ же, стр. 349). Въ 1844 году, по ходатайству наказнаго атамана войска донскаго о запрещеніи раскольникамъ быть наставниками и учителями юношества, Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ крестьянина Ѳедора Полякова, занимавшагося въ г. Новочеркасскѣ обученіемъ раскольническихъ дѣтей грамотѣ, „а слѣдовательно весьма вреднаго“, выслать на мѣсто родины, сообщивъ мѣстному начальству, чтобы оно впредь не позволяло Полякову отлучаться въ войско донское (тамъ же, стр. 437—8). Въ 1858 году вопросъ объ обученіи раскольничьихъ дѣтей возникъ въ тверской губерніи. По доведеніи до свѣденія Государя Императора постановленія объ этомъ предметѣ тверскаго секретнаго совѣщательнаго комитета, Его Величество 20 января Высочайше повелѣтъ соизволилъ: „не учреждая особыхъ отдѣленій при городскихъ и сельскихъ училищахъ для раскольническихъ дѣтей, которыя должны бы быть воспитаны ихъ родителями въ правилахъ св. церкви, обучать ихъ въ существующихъ нынѣ школахъ вмѣстѣ съ прочими дѣтьми православныхъ, возложивъ образованіе и направленіе ихъ нравственности на попеченіе мѣстнаго духовенства подъ главнымъ

наблюденіемъ епархіальнаго начальства“ (тамъ же, стр. 672). И такой порядокъ вещей существовалъ не только до 1860 года, когда г. Шмидтъ возбудилъ вопросъ о позволеніи раскольниковъ остзейскаго края имѣть свои собственныя школы, но и послѣ. Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4 августа 1861 года (№ 100) говорится, что молодые раскольники допускаются къ воспитанію, вмѣстѣ съ православными, въ однихъ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ извѣстно, что вопросъ о дарованіи раскольниковъ права учреждать свои школы не рѣшенъ окончательно и въ наши дни. Хотя Высочайше учрежденный 6 февраля 1864 года особый временный комитетъ по дѣламъ о расколнникахъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу раскольниковъ (Русск. Рѣчь, 1881 г., апр., стр. 79), тѣмъ не менѣе въ законѣ 3 мая прошлаго 1883 г. „о дарованіи раскольниковъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ“, — законѣ, на который справедливо нужно смотрѣть, какъ на окончательную редакцію Высочайше утвержденныхъ 16 августа 1864 года окончательныхъ заключеній временнаго комитета, — нѣтъ ни слова объ этомъ предметѣ. А когда московскіе раскольники обратились въ 1868 году къ попечителю московскаго учебнаго округа и затѣмъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ открыть въ Москвѣ отдѣльныя для дѣтей ихъ мужскаго и женскаго пола школы, и когда въ комитетѣ министровъ, на разсмотрѣніе котораго передано было означенное ходатайство, мнѣнія раздѣлились, причемъ предсѣдатель комитета, пять членовъ и приглашенный въ засѣданіе статсъ-секретарь графъ Панинъ полагали: ходатайство московскихъ раскольниковъ отклонить, — Государь Императоръ изволилъ на журналѣ комитета положить слѣдующую резолюцію: „исполнить по мнѣнію предсѣдателя и согласныхъ съ нимъ членовъ“.

Изъ всего, сказаннаго нами, можно видѣть, справедливо ли г. Лѣсковъ осуждаетъ князя Суворова за то, что онъ при рѣшеніи (въ 1860 году) вопроса о раскольничьихъ школахъ „не

преклонилъ предъ нѣметчиной“, которая старалась „убѣдить его въ пользу русскихъ старообръровъ“, а послѣдовалъ мнѣнію рижскаго преосвященнаго и не разрѣшилъ раскольникамъ имѣть свои собственные школы.

Впрочемъ въ данномъ случаѣ г. Лѣсковъ недоволенъ не столько княземъ Суворовымъ, сколько рижскимъ преосвященнымъ — за то, что онъ при рѣшеніи вопроса о дозволеніи раскольникамъ учреждать свои особня школы больше вѣрилъ заявленію одного извѣстнаго ему лица, сообщившаго владыкѣ, что раскольники, по ихъ собственнымъ словамъ, не нуждаются въ школахъ, а если просятъ ихъ, то — съ другимъ умысломъ, — именно, чтобы подъ видомъ школы имѣть помѣщенія для моленныхъ и совершать тамъ богослуженіе, чѣмъ — орднунсгерихту и чиновнику Шмидту. Такой поступокъ рижскаго преосвященнаго г. Лѣсковъ считаетъ „наивностію, способною впрочемъ съ самой выгодной стороны рекомендовать замѣчательную чистоту сердца высшихъ представителей русской церкви“ (стр. 201). А мы напротивъ видимъ въ немъ мудрость архипастыря, основанную на горькомъ опытѣ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ того, на сколько „достоувѣрны“ бываютъ „факты“, за которые ручаются прибалтійскіе орднунсгерихты не только предъ духовною, но даже и предъ свѣтскою властію. Въ 1865 году рижскій преосвященный на основаніи рапорта священника Малеева донесъ св. Синоду, что раскольники дерптскаго уѣзда совратили многихъ православныхъ и что причиною этого было открытіе на берегу Чудскаго озера нѣсколькихъ раскольническихъ молельнъ и совершеніе въ нихъ публичныхъ богослуженій, къ которымъ безпренятственно допускаются православные и единовѣрцы. Св. Синодъ предоставилъ г. оберъ-прокурору сообщить обо всемъ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, прося его принять зависящія мѣры къ огражденію православнаго населенія дерптскаго уѣзда отъ противозаконныхъ и оскорбляющихъ св. церковь дѣйствій тамошнихъ раскольниковъ. Черезъ нѣсколько времени министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ г. оберъ-прокурора св. Синода, что изъ

отношенія къ нему генераль-губернатора прибалтійскихъ губерній оказалось, что слѣдствіемъ, произведеннымъ дерптскимъ ордунсгерихтою, не подтвердилась справедливость донесенія священника Маленина. Между тѣмъ, спустя немного времени, въ св. Синодѣ поступило новое донесеніе священника Маленина съ точнымъ указаніемъ деревень, въ которыхъ устроены были раскольниками школы и въ которыхъ публично совершалось богослуженіе. Тогда св. Синодъ, минуя министра внутреннихъ дѣлъ, обратился чрезъ г. оберъ-прокурора прямо къ генераль-губернатору прибалтійскихъ губерній съ просьбою, не признаетъ-ли онъ возможнымъ, для открытія противузаконныхъ дѣйствій раскольниковъ, командировать нарочнаго и особенно довѣреннаго чиновника. И что же оказалось? Въ 1869 году генераль-адъютантъ Альбединскій увѣдомилъ г. оберъ-прокурора св. Синода, что командированный для дознанія объ устройствѣ часовенъ на берегу Чудскаго озера помощникъ начальника лифляндскаго губернскаго жандармскаго управленія капитанъ Ремеръ, по изслѣдованіи, донесъ, что раскольническія часовни дѣйствительно устроены лѣтъ пять назадъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, о коихъ доносили священникъ Маленинъ. Этотъ случай можетъ убѣдить г. Лѣскова въ томъ, что не всякій „жандармъ“ бываетъ болѣе „покладливъ“ (стр. 204), чѣмъ „нѣмецкій чиновникъ“.

Лишившись своихъ школъ, рижскіе раскольники, по словамъ г. Лѣскова, неизбежно обрекались на невѣжество, такъ какъ „въ смѣшанныхъ школахъ“ они не посылали своихъ дѣтей (стр. 189). Очень можетъ быть, что въ числѣ рижскихъ раскольниковъ, какъ они ни были „пошлифованы“, благодаря совмѣстному сожителству со своими нѣмецкими согражданами, было не мало фанатиковъ, которые считали смертнымъ грѣхомъ отдавать своихъ дѣтей въ „смѣшанныя“ школы, въ которыхъ на ряду съ „никоніанами“ могли встрѣтить даже „лютеровъ“. Но не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что нѣкоторые рижскіе раскольники посылали своихъ дѣтей въ такія школы, по окончаніи ученія въ которыхъ раскольниче-

ская молодежь могла поступать не только въ гимназіи, но даже въ университеты. Иначе трудно было бы объяснить, что дало князю Суворову поводъ ходатайствовать въ 1850 году предъ правительствомъ о допущеніи дѣтей рижскихъ раскольниковъ къ поступленію въ гимназіи и университеты „безъ представленія метрическихъ свидѣтельствъ“, и притомъ не только тѣхъ дѣтей, которыя происходили отъ родителей, вѣнчанныхъ въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, но дѣтей крестившихъ по обрядамъ раскольническимъ, но даже и тѣхъ, кои происходили отъ родителей, вѣнчанныхъ по расколу, но коихъ мѣстное начальство, на основаніи данныхъ въ руководство оному разрѣшеній, признало бы „сожителствующими супружески, какъ мужъ и жена“ (Собр. пост. по част. раск. 1858 г., стр. 533—6). Есть и прямыя свидѣтельства о томъ, что раскольники остзейскаго края не чуждались „смѣшанныхъ“ школъ и посылали въ нихъ своихъ дѣтей. Въ 1853 году рижскій преосвященный, ходатайствуя предъ св. Синодомъ о безмездной высылкѣ ему для школъ, существовавшихъ при единовѣрческихъ церквахъ, по 100 экземпляровъ псалтирей, часослововъ и азбукъ московской единовѣрческой печати, мотивировалъ свое ходатайство не только тѣмъ, что обучавшіяся въ этихъ школахъ мѣщанскія и крестьянскія дѣти „крайне бѣдны“, но и тѣмъ, что въ этихъ школахъ было „много раскольническихъ дѣтей“ (Собр. пост. по част. раск. 1860 г., кн. 2, стр. 530—1) ¹⁾.

Что касается „общиннаго управленія“, которымъ на основаніи правилъ маркиза Паулуччи пользовались рижскіе раскольники „при всѣхъ правительствующихъ нѣмцахъ“ и которое, по мнѣнію г. Лѣскова (стр. 188), уничтожилъ „русскій князь Суворовъ“, — то и это дѣйствіе свѣтлѣйшаго, если дѣйствительно онъ ввелъ въ дѣйствіе новыя правила, устранявшія прежнюю коллегіальность общиннаго управленія и сосредоточившія все въ рукахъ одного

¹⁾ А известно, что и въ Ригѣ въ это время уже была единовѣрческая церковь (Собр. пост. по част. раск. 1858 г., стр. 214—15).

(выборнаго) попечителя (стр. 190), — не только не может служить поводомъ къ какимъ-либо нареканіямъ на него, но напротивъ должно быть признано дѣйствіемъ истиннаго слуги Государя. Еще въ 1833 году—за 15 лѣтъ до занятія княземъ Суворовымъ поста остзейскаго генераль-губернатора составленныя маркизомъ Паулуччи правила, давашія раскольникамъ возможность совершать большія злоупотребленія (напр. принимать въ богадѣльню и больницу православныхъ и затѣмъ совращать ихъ въ расколъ, принимать въ сиротское отдѣленіе не только раскольничьихъ сиротъ, но и незаконнорожденныхъ дѣтей православныхъ, и затѣмъ воспитывать ихъ въ духѣ раскола), были отмѣнены и замѣнены новыми. Въ этомъ году Императоръ Николай, рассмотрѣвъ возникшее еще въ 1831 году (Собр. пост. по част. раск. 1858 г., стр. 128) дѣло о правилахъ, по коимъ управлялись рижскія раскольническія заведенія, 26 марта Высочайше повелѣтъ соизволилъ сообщить рижскому военному губернатору, между прочимъ, слѣдующее: „составленныя маркизомъ Паулуччи въ 1827 году для сихъ заведеній правила отобрать и уничтожить, а вмѣсто ихъ руководствоваться при семъ прилагаемыми правилами“. По этимъ правиламъ богадѣльня и больница рижскихъ раскольниковъ подчинялись вѣденію лифляндскаго приказа общественнаго призрѣнія и, какъ заведенія, содержавшіяся добровольными приношеніями усердствующихъ, должны были имѣть значеніе частныхъ учрежденій; управленіе означенными заведеніями возлагалось на попечителя и эконома, которыхъ раскольники ежегодно, или не болѣе, какъ черезъ три года, должны были выбирать изъ своей среды, но не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія генераль-губернатора ¹⁾; призрѣвать въ богадѣльнѣ позволялось престарѣлыхъ и увѣчныхъ—мужчинъ не мо-

¹⁾ Значить, утѣреніе г. Лѣскова, будто бы по новымъ правиламъ выбранный раскольниками попечитель долженъ былъ имѣть у себя за плечами другаго попечителя отъ правительства.—въ лицѣ чиновника изъ русскихъ или жандарма (стр. 190), есть не больше, какъ фантазія автора «Иродовой работы».

ложе 60-тилѣтнаго возраста, а женщинъ 50-тилѣтнаго; исключеніе допускалось только для увѣчныхъ и ослабленныхъ, которые имѣли нужду въ призрѣніи и которыхъ поэтому дозволялось принимать въ богадѣльню и раньше означеннаго возраста; лица, кои сами себя могли снискивать пропитаніе, если бы такія нашлись между богадѣльнями, немедленно увольнялись изъ богадѣльни; въ богадѣльнѣ и больницѣ мужчины и женщины должны были помѣщаться на отдѣльныхъ половинахъ; богадѣленные обязывались служить больнымъ, и только въ случаѣ нужды позволялось нанимать здоровую прислугу не моложе впрочемъ 45 лѣтъ, полагая одного человѣка на 10 больныхъ; на попечителя кромѣ того возлагалась обязанность: а) чтобы въ богадѣльнѣ и больницѣ никто не проживалъ безъ узаконенныхъ письменныхъ видовъ и чтобы не было въ нихъ допускаемо ничего противнаго законамъ и правиламъ полиціи; б) немедленно давать знать полиціи о всѣхъ прибывающихъ въ богадѣльню и больницу и выбывающихъ изъ нихъ, а равно и объ умершихъ, а генераль-губернатору и приказу общественнаго призрѣнія представлять записки о томъ же ежемѣсячно и въ началѣ каждаго года, съ означеніемъ времени принятія призрѣнныхъ въ богадѣльню, званія и возраста ихъ; в) давать приказу общественнаго призрѣнія годовой отчетъ о состояніи заведеній, съ показаніемъ капитала въ оныхъ, прихода и расхода суммъ по содержанію заведеній и числа призрѣнныхъ людей; надзоръ за тѣмъ, чтобы въ богадѣльнѣ и больницѣ не было допускаемо ничего противнаго порядку, здоровью, нравственности, опрятности и доброму хозяйству, поручался приказу общественнаго призрѣнія (тамъ же, стр. 140—3).

Такимъ образомъ и въ томъ, что рижскіе раскольники лишены были права общиннаго управленія своими заведеніями и подчинены вѣденію лифляндскаго приказа общественнаго призрѣнія, князь Суворовъ ни мало не виновенъ. Если же исполненіе Высочайшаго повелѣнія относительно этого предмета выпало на его долю, это показываетъ только, что въ остзейскомъ краѣ до князя Суворова

со стороны гражданского начальства не было оказываемо особенно ревностнаго содѣйствія къ искорененію раскола не только духовенству, о чемъ въ свое время доносили III отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи рижскій штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ — г. Андрияковъ (стр. 188); но и верховному Вождю земли русской.

Закрытіе Суворовымъ рижской раскольнической школы, по мнѣнію г. Дѣскова, было причиною того, что дѣти бѣдныхъ рижскихъ раскольниковъ, которыхъ въ прежнее время, по мѣстному выраженію, „подбирали съ улицъ въ Гребенщиковскую школу“, теперь „остались на улицахъ русскаго предмѣстья, рассыпались по рвамъ, мостамъ, кабакамъ и публичнымъ домамъ“, — дѣвочки даже несовершеннолѣтнія стали заниматься проституціей, а мальчики стали устривать норовскія артели и превратились въ такъ называемыхъ карманщиковъ (стр. 189—190).

Прежде всего читатель недоумѣваетъ, какъ это среди „трудолюбивыхъ“ и трезвыхъ рижскихъ раскольниковъ, пользовавшихся до прибытія князя Суворова въ Ригу¹⁾ „благосостояніемъ“ (стр. 188, 199—200), въ первый же годъ управленія его прибалтійскими губерніями оказалось столько бѣдьяковъ, что отъ „массы“ дѣтей ихъ „затруднялся проѣздъ по русскому форштату“, и при томъ такихъ бѣдняковъ, которые не могли дать своимъ дѣтямъ ни куска хлѣба, ни теплаго пріюта, вследствие чего „голодные и безпріютные мальчики“ вынуждены были заниматься воровствомъ, а дѣвочки — развратомъ (190 стр.). Затѣмъ несомнѣнная историческія данныя показываютъ, что „деморализація раскольничьей молодежи въ Ригѣ“ началась не въ 1848 году, когда князь Суворовъ сдѣлался остзейскимъ генералъ-губернаторомъ и, по словамъ г. Дѣскова, закрылъ Гребенщиковскую школу, а гораздо раньше, и зависѣла не отъ недостатка въ Ригѣ „русскихъ школъ“, а совершенно отъ другихъ причинъ. Вотъ что рижскій преосвящен-

¹⁾ Князь Суворовъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ остзейскаго края въ 1848 году и прибылъ въ Ригу въ мартѣ.

ный доносил своему начальству о рижскихъ раскольникахъ еще въ 1837 году: „сильная привязанность раскольниковъ къ ложнымъ своимъ мнѣніямъ происходитъ болѣе отъ вольности, которую имѣютъ они, чтобы вести жизнь совершенно скотскую, нежели отъ убѣжденія въ ложныхъ своихъ началахъ: почти всѣ раскольники живутъ невѣнчанными и разводятся также легко, какъ и сходятся вмѣстѣ. Отсюда происходитъ неимовѣрное множество бѣдныхъ въ раскольниковской массѣ, ибо мужья, проживши нѣсколько лѣтъ со своими женами и наживши дѣтей, оставляютъ ихъ и вступаютъ въ сожитіе съ другими женами; они переменяютъ женъ, сколько имъ угодно; бѣдныя матери таскаются по улицамъ съ несчастными дѣтьми цѣлыми стаями“ (тамъ же, стр. 263—4). Впрочемъ это писалъ преосвященный Иринархъ, о которомъ г. Лѣсковъ даже и не упоминаетъ, ведя рѣчь о рижскихъ епископахъ (Истор. Вѣсти. 1883 г., ноябрь, стр. 258—262). А вотъ что писалъ (5 августа 1842 года) о томъ же предметѣ другой рижскій преосвященный — Филаретъ (Гумилевскій), котораго г. Лѣсковъ милостиво признаетъ „несомнѣнно умнымъ и политически дальновиднымъ“ епископомъ (тамъ же, декабрь, стр. 494): „раскольники здѣшніе очень злы; это что-то въ родѣ уродовъ. Вы не можете себѣ вообразить состоянія ихъ. До чрезвычайности упорны въ томъ, чтобы считаться раскольниками. И до чрезвычайности упорны въ томъ, чтобы быть людьми развратными. Здѣшніе раскольники тоже, какъ мусульмане, и разнятся отъ нихъ только тѣмъ, что не имѣютъ вдругъ по семи женъ; между тѣмъ берутъ одну за другою по семи же наложницъ; съ одной проживетъ года четыре и беретъ другую, а тамъ третью и такъ далѣе. Брошенныя дѣвки отдаются въ развратъ, а дѣти ихъ извѣстны здѣсь подъ именемъ карманщиковъ, потому что единственный способъ пропитанія ихъ—путешествія по карманамъ ихъ ходить; по улицамъ толпы. Можете представить себѣ, что выйдетъ изъ такихъ мальчиковъ. Вы скажете: что жъ смотритъ полиція и гражданское начальство? оно смотритъ на то, какъ получить тысячу рублей отъ одного, а другую отъ другаго

раскольника, и болѣе ничего ему не нужно“ (Творен. Св. Отц. 1884 г., кн. 2, стр. 557).

Такимъ образомъ въ томъ, что въ Ригѣ „старовѣрческая молодежь образовала вредный классъ карманщиковъ и предалась разнаго рода гнусностямъ“, былъ виноватъ не князь Суворовъ, уничтожившій гребенщиковскую школу, что утверждаетъ г. Лѣсковъ (Истор. Вѣстн. 1883 г., декабрь, стр. 500), а сами рижскіе раскольники, или вѣрнѣе: ихъ ученіе объ обязательномъ для всѣхъ дѣвствѣ,—то ученіе, благодаря которому и въ другихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ живутъ раскольники еедосѣвскаго толка, отрицающіе бракъ, „нѣтъ прохода по улицамъ отъ рожденныхъ въ дѣвствѣ дѣтей, просящихъ милостыню“ (Братск. Слов. 1884 г. № 7, стр. 373). Кстати; когда вопросъ о дарованіи раскольникамъ мѣнѣ вредныхъ сектъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ еще только обсуждался въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, нѣкоторые радѣтели раскола стали увѣрять, что раскольники-безпоповцы, не только поморцы, но даже еедосѣвцы и филиповцы, не признавая брака *de jure*, признаютъ его *de facto*, что каждый безпоповецъ съ молодю до старости имѣетъ одну сожительницу, съ которою сходитя безъ всякихъ обрядовъ, и что сожителство еедосѣвцевъ и другихъ безпоповцевъ, не имѣющихъ освященнаго брака, крѣпко, неразрывно (см. Русск. Рѣчь 1881 г., апрѣль, стр. 78). Вышеизложенныя данныя свидѣлствуютъ, сколько правды въ такомъ увѣреніи. Если же кто скажетъ, что эти данныя относятся къ далекому прошлому и потому не могутъ служить выраженіемъ взгляда на бракъ современныхъ намъ еедосѣвцевъ, тому мы посовѣтуемъ познакомиться съ дѣяніями московскаго еедосѣвскаго собора, бывшаго въ августѣ прошлаго 1883 года (Братск. Слово 1884 г. №№ 11—13).

„Въ 1849 году, пишетъ г. Лѣсковъ, деморализація раскольниковъ молодой молодежи въ Ригѣ достигла апогеоза, и вотъ тутъ-то князь Суворовъ началъ самый страшный актъ своей „продовой работы“... Онъ измыслилъ нѣчто феноменальное: 11 іюля добрый князь про-

Христ. Чит., № 1—2, 1885 г. 11

силъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго ходатайствовать о дозволеніи отдавать въ баталіоны военныхъ кантонистовъ безъ изъятія всѣхъ бродяжничающихъ въ городѣ и нищенствующихъ малолѣтнихъ раскольниковъ“, и затѣмъ, „не ожидая испрашиваемаго разрѣшенія“, того же самаго 11 іюля „предписалъ рижскому полицій-местеру *немедленно*, но съ осторожностію, внезапно и совершенно негласно взять въ распоряженіе полиціи круглыхъ раскольничьихъ сиротъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ“ (стр. 191). Это распоряженіе князя Суворова г. Лѣскова называетъ мѣрою не только суровою, но даже такою, „какихъ *нигдѣ не было* и о какихъ *никто кромѣ него* не придумалъ писать Государю“ (стр. 195), — мѣрою, которою князь Суворовъ „вводилъ своего монарха въ заблужденіе, вовлекалъ его на путь ошибокъ, вызывая въ душѣ его гнѣвъ и ожесточеніе“ (стр. 206). А между тѣмъ, какъ въ ходатайствѣ князя Суворова о дозволеніи отдавать въ баталіоны военныхъ кантонистовъ всѣхъ малолѣтнихъ раскольниковъ г. Ригя, извѣстныхъ подъ именемъ карманщиковъ, такъ и въ предписаніи его полиціи немедленно взять въ свое распоряженіе круглыхъ раскольничьихъ сиротъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, не было ничего особеннаго, а было только „*послушаніе воли монаршей*“. Дѣло въ томъ, что развратъ рижскихъ раскольниковъ и другія, совершавшіяся въ ихъ средѣ безобразія, зависѣвшія главнымъ образомъ отъ дикаго ученія объ обязательномъ для всѣхъ дѣвствѣ, давно уже не были секретомъ для Петербурга и побуждали правительство къ отысканію мѣръ для ихъ прекращенія ¹⁾. Какъ на одну изъ такихъ мѣръ слѣдуетъ смотрѣть на Высочайшее повелѣніе (отъ 14 мая 1832 г.) о закрытіи раскольническаго училища въ Ригѣ, въ которое, по словамъ г. Лѣскова, подбирали и въ которомъ воспитывали брошенныхъ на произволь судьбы дѣтей

¹⁾ Есть свидѣтельства о томъ, что о развратѣ рижскихъ раскольниковъ доносилъ правительству даже восхваляемый г. Лѣсковымъ маркизь Паулуччи — католикъ и мѣстнае начальство изъ лютеранъ (Истор. минист. внутр. дѣлъ, кн. 8, стр. 217).

ннимыхъ рижскихъ дѣвственниковъ. А такъ какъ съ закрытіемъ училища обучавшіяся въ немъ дѣти раскольниковъ, какъ не имѣвшія законныхъ отцевъ, могли остаться безъ призрѣнія, то Императоръ Николай Павловичъ того же 14 мая 1832 года Высочайше повелѣлъ: „находящихся въ раскольниковскихъ заведеніяхъ, равно и раскольниковской школѣ Риги, малолѣтнихъ круглыхъ сиротъ мужескаго пола, какъ могущихъ остаться безъ призрѣнія, принять на попеченіе правительства и опредѣлить ихъ въ рижскій баталіонъ военныхъ каптонистовъ“ (Собр. пост. по част. раск. 1858 г., стр. 135). Нѣтъ нужды говорить о томъ, что рижскіе раскольники, какъ громомъ пораженные такимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, стали употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы дѣти ихъ не попали „на службу антихристу“, хотя и безъ успѣха. Явившись къ генераль-губернатору, попечители моленной стали увѣрять его, что они сами позаботятся о воспитаніи и устроеніи судьбы „сиротъ“, помѣщавшихся въ школѣ и особомъ отдѣленіи при богадѣльнѣ. Но когда генераль-губернаторъ, повѣрившій такому заявленію попечителей, довелъ о немъ до свѣденія Государя Императора, Николай Павловичъ 24 февраля 1833 года Высочайше повелѣтъ соизволилъ: „удостовереній отъ попечителей раскольниковской моленной, что они берутъ на свою отвѣтственность воспитаніе и устроеніе судьбы сиротъ, принимать не надлежитъ: ибо правительство беретъ сихъ сиротъ на свое попеченіе, дабы преподать имъ способы выдти изъ того заблужденія, въ которомъ они воспитываются раскольниками“, — объяснивши при этомъ, что круглымъ сиротою слѣдуетъ считать того изъ малолѣтнихъ, который не имѣетъ отца, матери, дѣда и бабки, и что разбору въ военные каптонисты подлежатъ только тѣ мальчики, кои были на лицѣ въ раскольниковскихъ заведеніяхъ при полученіи въ Ригѣ Высочайшаго повелѣнія, въ 14 день мая 1832 года послѣдовавшаго (тамъ же, стр. 138—9). За тѣмъ, разсмотрѣвъ новыя правила для управленія рижскими раскольниковскими заведеніями, Государь Императоръ 26 марта того же 1833 года снова Высочайше пове-

лѣль сообщить рижскому генераль-губернатору слѣдующее: „сиротское отдѣленіе при сихъ заведеніяхъ, въ которомъ допускается подобно воспитательному дому приемъ незаконнорожденныхъ дѣтей, должно быть закрыто... Находящихся нынѣ въ семь заведеніи дѣтей слѣдуетъ отдать родителямъ; тѣхъ же изъ нихъ мужскаго пола, кои суть круглые сироты, сдать на основаніи Высочайшаго повелѣнія въ рижскій баталіонъ военныхъ кантонистовъ, а женскаго пола—распредѣлить въ благонадежныя мѣста и благотворительныя заведенія по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія (тамъ же, стр. 140—1, §§ 6 и 7) ¹⁾).

Къ сожалѣнію, указанныя распоряженія власти, направленныя къ обузданію разврата рижскихъ раскольниковъ, плохо достигали цѣли. Въ 1837 году дошло до свѣденія правительства, что рижскіе мнимые дѣвственники, не имѣя теперь возможности пристраивать своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей въ сиротское отдѣленіе и школу, стали бросать ихъ на произволь судьбы, вслѣдствіе чего на улицахъ г. Риги явились „цѣлыя стаи“ плодовъ еедосѣвскаго безбрачія. По доведеніи объ этомъ до свѣденія Государя, Николай Павловичъ 12 апрѣля 1837 года Высочайше повелѣлъ: „для обузданія своевольства рижскихъ раскольниковъ и искорененія ихъ безнравственности — вмѣнить въ обязанность мѣстнаго начальства употреблять полицейскія мѣры, поступаая на основаніи устава благочинія съ тѣми изъ раскольниковъ, кои ведутъ развратную жизнь, сожитьемъ ли съ перемѣнными женщинами, или оставленіемъ безъ призрѣнія прижитыхъ ими дѣтей“ (тамъ же, стр. 264). Но такъ

¹⁾ Въ скоромъ послѣ этого времени такое же высочайшее повелѣніе послѣдовало и относительно подкидышей, находившихся въ раскольническихъ богадельняхъ на Преображенскомъ и Рогожскомъ кладбищахъ—въ Москвѣ (тамъ же, стр. 161—2, 172 и 177). Значить, увѣреніе г. Дьскова будто бы ходатайство князя Суворова о дозволеніи отдавать сиротъ рижскихъ раскольниковъ въ баталіоны военныхъ кантонистовъ было такою мѣрою, которой мидь не было и о которой никто кромѣ него не придумалъ писать Государю (стр. 195), несправедливо.

какъ снисходительность рижской полиціи къ раскольникамъ была дѣломъ обычнымъ, не составляя секрета для самого правительства (тамъ же, стр. 290) ¹⁾, то неудивительно, что и въ 1838 году не перестаютъ появляться у рижскихъ раскольниковъ незаконнорожденные дѣти. Удивительно въ данномъ случаѣ то, что рижскій генераль-губернаторъ, донося объ этомъ министерству внутреннихъ дѣлъ, спрашивалъ его, какъ поступать съ этими дѣтьми, т. е. оставлять-ли ихъ при матеряхъ, или отбирать отъ матерей, причемъ прибавлялъ, что если отбирать, то встрѣчается затрудненіе, куда ихъ отдавать, ибо приказъ общественнаго призрѣнія не имѣетъ возможности призрѣвать младенцевъ. Хотя этой прибавкой уже предрѣшался вопросъ въ пользу раскольниковъ, тѣмъ не менѣе Государь Императоръ, до свѣденія котораго было доведено объ этомъ, 30 апрѣля 1838 года Высочайше повелѣть соизволилъ: „дабы не дать укорениться въ сихъ дѣтяхъ раскольническимъ понятіямъ, то изъ

¹⁾ До чего доходило потворство раскольникамъ рижской полиціи и какъ велика была влѣдствіе этого смѣлость рижскихъ раскольниковъ,—это можно видѣть между прочимъ изъ слѣдующаго факта. Въ 1824 году умеръ въ Ригѣ купецъ Иванъ Андабургскій, который, какъ показалъ причтъ рижской Благовѣщенской церкви и какъ оказалось по справкѣ въ консисторіи, во все время своей 60-ти-лѣтней жизни былъ ревностнымъ сыномъ православной церкви, исповѣдывался и приобщался св. таинвъ. Не смотря однако же на это, рижскіе раскольники объявили, что умершій принадлежалъ къ ихъ «вѣрѣ» (вѣроятно, предъ смертію «былъ переkreщенъ въ раскольническую секту насильно, или уже по лишеніи разсудка его»), и на этомъ основаніи рѣшились похоронить его по своимъ обрядамъ. И хотя лифляндское духовное правленіе просило рижскаго полиціимейстера не позволять раскольникамъ такого «противозаконнаго поступка», тѣмъ не менѣе заблуждающіе «гробъ покойнаго изъ дома его вынесли и подъ бархатнымъ покровомъ, въ сопровожденіи раскольническаго наставника Мирона Карпова, шедшаго съ кадильницею, при многочисломъ пѣніи и многочисломъ собраніи народа понесли къ моленной» (Собр. пост. по ч. раск. 1860 г., кн. 2, стр. 165), не смотря на то, что еще въ 1820 году министромъ внутреннихъ дѣлъ, по высочайшему повелѣнію, дано было знать рижскому генераль-губернатору, что рижскіе еедосѣвцы могутъ исполнять принятые ими обряды, но «безъ всякаго публичнаго оказательства ученія и богослуженія своей секты» (Собр. пост. по ч. раск. 1838 г., стр. 62—5).

нихъ мужескаго пола зачислять въ военные кантонисты, по достиженіи установленнаго для того возраста, а женскаго пола пристраивать по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія“ (тамъ же, стр. 299—300). Оказывается, что и это Высочайшее повелѣніе показалось тогдашнему рижскому генераль-губернатору почему-то неяснымъ и вызвало съ его стороны въ числѣ другихъ вопросовъ и слѣдующій: кого изъ раскольническихъ дѣтей, которыхъ Высочайше повелѣвалось отдавать въ баталіоны военныхъ кантонистовъ, слѣдуетъ считать незаконнорожденными. 5-го мая 1839 года Императоръ Николай, до свѣденія котораго былъ доведенъ этотъ вопросъ, Высочайше повелѣлъ сообщить генераль-губернатору остзейскаго края, „что вездѣ незаконнорожденными признаются дѣти, рожденныя отъ лицъ женскаго пола, не сожительствующихъ мужу по правиламъ своего вѣрованія, или подкинутыя для сокрытія виновниковъ преступнаго рожденія, на которыхъ единственно и должно распространяться Высочайшее повелѣніе 30-го апрѣля 1838 года (тамъ же, стр. 343). Казалось бы, послѣ такого категорическаго Высочайшаго повелѣнія, вопросъ о томъ, какъ поступать съ незаконнорожденными дѣтьми рижскихъ раскольниковъ, можно было считать рѣшеннымъ окончательно. И однако-же и послѣ 1839 года вопросъ этотъ, вѣроятно, по проискамъ рижскихъ раскольниковъ, желавшихъ, чтобы плоды ихъ безбрачія лучше таскались по улицамъ, чѣмъ поступали въ распоряженіе „антихристовой“ власти, не разъ возбуждался рижскимъ генераль-губернаторомъ. Въ 1847 году остзейскій генераль-губернаторъ, находя по мѣстнымъ обстоятельствамъ, что Высочайшее повелѣніе 22-го марта 1846 года касательно допущенія рижскихъ раскольниковъ въ мѣстное гражданство и въ гильдейскія братства г. Риги,—для достиженія благодѣтельной цѣли искорененія раскола въ г. Ригѣ, должно быть согласовано съ нѣкоторыми другими распоряженіями, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ въ особой подрѣбной запискѣ свои предположенія по этому предмету. Въ числѣ этихъ предположеній мы находимъ вопросъ и „о призрѣніи сиротъ изъ раскольниковъ и ма-

малолѣтнихъ бродягъ, извѣстныхъ въ Ригѣ подъ именемъ карманщиковъ“. Государь Императоръ, до свѣденія котораго были доведены эти предположенія, 25-го октября 1847 года Высочайше повелѣлъ сообщить рижскому генералъ-губернатору, что „въ призрѣннѣ дѣтей безсемейныхъ раскольниковыхъ дѣвокъ и женщинъ, брошенныхъ тѣми, съ кѣмъ онѣ имѣли незаконное сожительство, должно поступать по силѣ Высочайшаго повелѣнія 30-го апрѣля 1838 года, т. е. мужскаго пола, по достиженіи узаконеннаго возраста, зачислять въ военные кантонисты, а женскаго пола пристраивать, по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія; въ отношеніи же призрѣнія малолѣтнихъ бродягъ въ сводѣ устава о паспортахъ и бѣглыхъ заключаются опредѣлительныя правила. Но если всѣ сіи мѣры, при постоянномъ руководствѣ оными, по мѣстнымъ обстоятельствамъ окажутся недостаточными, въ такомъ случаѣ отъ генералъ-губернатора зависѣтъ будетъ соображенія свои сообщить министру внутреннихъ дѣлъ для дальнѣйшаго распоряженія“ (тамъ же, стр. 492—6).

Всѣ эти историческія данныя ясно показываютъ: 1) что вопросъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ рижскихъ раскольниковъ возникъ не въ то время, когда князь Суворовъ сдѣлался генералъ-губернаторомъ прибалтійскихъ губерній, а гораздо раньше и имѣетъ свою исторію; 2) „иродова работа“, какъ въ высшей степени неумно, чтобы не сказать больше, называетъ г. Лѣсковъ распоряженіе о зачисленіи раскольниковыхъ сиротъ и бродягъ въ баталіоны военныхъ кантонистовъ, началась не отъ „измышлений“ князя Суворова, а отъ Высочайшей воли Императора Николая Павловича; 3) на „отношеніе“ князя Суворова о рижскихъ малолѣтнихъ раскольникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ карманщиковъ, по поводу котораго послѣдовало 20-го ноября 1849 года Высочайшее повелѣніе: „распространить на всѣхъ бродяжествующихъ и нищенствующихъ по г. Ригѣ малолѣтнихъ раскольниковъ и даже православныхъ правила 30-го апрѣля 1838 года, т. е. отдавать мальчиковъ въ баталіоны военныхъ кантонистовъ, а дѣвочекъ—на попеченіе приказа общественнаго призрѣнія“ (тамъ же, стр. 521),

слѣдуетъ смотрѣть не какъ на изобрѣтенную свѣтлѣйшимъ „по собственнымъ побужденіямъ и на свой собственный страхъ“ особую мѣру, что утверждаетъ г. Лѣсковъ (стр. 195), но какъ на исполненіе имъ Высочайшей воли; 4) въ томъ, что князь Суворовъ прежде, чѣмъ послѣдовала Высочайшая резолюція на его отношеніе, приказалъ полиціи взять въ свое распоряженіе круглыхъ раскольничьихъ сиротъ и потомъ забранныхъ мальчиковъ препроводилъ въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ, не было никакого „самовластія“ съ его стороны, что утверждаетъ г. Лѣсковъ (стр. 192); такъ поступить князь Суворовъ имѣлъ не только право, но и обязанность,—на основаніи прежде послѣдовавшихъ Высочайшихъ повелѣній, которыя мы уже видѣли; 5) наконецъ, теперь г. Лѣсковъ вѣроятно перестанетъ недоумѣвать (въ дѣлахъ генераль-губернаторскаго архива онъ не нашелъ разрѣшенія своему недоумѣнію), почему, по распоряженію князя Суворова, полиція забирала не только мальчиковъ, но и „дѣвочекъ“ раскольничьихъ, которыхъ,—иронически замѣчаетъ авторъ „Иродовой работы“,— даже князь „не могъ надѣяться помѣстить въ баталіоны военныхъ кантонистовъ“ (стр. 191); мы видѣли, что волею Императора Николая Павловича сиротамъ раскольничьимъ женскаго пола указано было другое „помѣщеніе“. Правда, лифляндскій приказъ общественнаго призрѣнія, по интригамъ ли раскольниковъ, или по собственному нежеланію заботиться о „русскихъ“ дѣтяхъ, заявилъ, что онъ затрудняется принять на свое попеченіе малолѣтнихъ раскольничьихъ дѣтей женскаго пола. Но такое заявленіе было причиною только того, что Императоръ Николай 10-го іюня 1850 года Высочайше повелѣть соизволилъ: „предоставить рижскому военному, лифляндскому, эстляндскому и курляндскому генераль-губернатору, на точномъ основаніи Высочайшихъ повелѣній отъ 30-го апрѣля 1838 года, 25-го октября 1847 года и 20-го ноября 1849 года, вмѣнять нынѣ же лифляндскому приказу общественнаго призрѣнія въ обязанность немедленно принять на свое попеченіе имѣющихся въ виду девять сиротъ дѣвочекъ, поступаая такимъ же образомъ

и на будущее время съ другими имъ подобными, съ тѣмъ, что если потребныя на сей предметъ издержки превысятъ денежные способности лифляндскаго приказа, то предоставить князю Суворову отнести расходы сіи, смотря по надобности и возможности, на доходы всѣхъ вообще приказовъ общественнаго призрѣнія остзейскаго края“ (тамъ же, стр. 538—9).

Послѣ всего сказаннаго остается одно недоумѣніе: почему на представленіе князя Суворова о малолѣтнихъ раскольниковыхъ дѣтяхъ Государю Императору угодно было приказать распространить силу Высочайшаго повелѣнія 30-го апрѣля 1838 года не только на малолѣтнихъ раскольниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ карманщиковъ, но даже и на православныхъ, т. е. было разрѣшено, по выраженію г. Лѣскова, болѣе, чѣмъ князь ходатайствовалъ (стр. 192). И на этотъ вопросъ, очевидно занимавшій автора „Иродовой работы“, мы можемъ дать отвѣтъ. Рижскіе раскольники, проповѣдуя безбрачіе, какъ обязательный для всѣхъ законъ, въ то же время, какъ мы видѣли, предавались самому необузданному разврату, при чемъ, какъ люди, по выраженію г. Лѣскова, „шлифованные“, не довольствуясь незаконными связями съ женщинами своей секты,—съ „христіанками“, нерѣдко вступали въ сожительство даже съ „еретичками“ и притомъ не только съ лицами, принадлежавшими къ православію и единовѣрію, но даже съ „лютерками и папешницами“ (Собр. пост. по ч. раск. 1860 года, кн. 2, 622 — 3; 1858 года, стр. 333 и 495). Неудивительно послѣ этого, что въ числѣ таскавшихся по улицамъ Риги карманщиковъ было не мало и такихъ, которые, происходя отъ незаконныхъ связей съ раскольниками своихъ православныхъ матерей, были крещены въ православной церкви, но, будучи брошены своими отцами на произволъ судьбы, пускались, достигши извѣстнаго возраста, въ разнаго рода „художества“—въ родъ мошенничества, воровства и даже разбоя (Истор. минист. внутр. дѣль, кн. 8, стр. 217), и которые наравнѣ съ незаконнорожденными дѣтьми раскольниковъ составляли тягость для общества. Правительству давно были извѣстны

эти незаконныя связи рижскихъ раскольниковъ съ лицами другихъ вѣроисповѣданій; и если оно не считало возможнымъ издавать какія либо распоряженія по поводу безбрачныхъ сожительствъ рижскихъ раскольниковъ съ лютеранками и римско-католичками на томъ основаніи, что „римско-католическое и лютеранское исповѣданія имѣютъ свои уставы“ (Собр. пост. по ч. раск. 1858 года, стр. 333—4), то съ другой стороны не могло не обратить самаго серьезнаго вниманія на сожитія рижскихъ раскольниковъ съ женщинами православнаго исповѣданія и съ лицами, принадлежавшими къ единовѣрью, такъ какъ послѣдствіемъ такихъ сожитій нерѣдко бывало „совращеніе православныхъ и единовѣрцевъ въ расколъ“ (Собр. постан. по ч. раск. 1860 г. кн., 2, стр. 622). Послѣ всего сказаннаго удивительнымъ представляется не то, что въ 1849 году Государь Императоръ приказалъ распространить силу Высочайшаго повелѣнія 30-го апрѣля 1838 года не только на бродяжничавшихъ въ Ригѣ малолѣтнихъ раскольниковъ, но и на православныхъ, а то, почему князь Суворовъ самъ не указалъ правительству на это зло.

Г. Лѣсковъ повидимому недоумѣваетъ, почему князь Суворовъ, получивши отъ графа Перовскаго увѣдомленіе, что Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ распространить правило о сдачѣ въ баталіоны кантонистовъ—на всѣхъ бродяжничествующихъ—даже и на православныхъ, — вмѣсто того, чтобы усилить мѣры строгости и „безъ всякихъ разсужденій“ посылать пойманныхъ полицією карманщиковъ въ баталіоны кантонистовъ, — велѣлъ отослать ихъ къ духовному начальству для присоединенія къ православію, а мѣстный преосвященный „безъ возраженій“ исполнилъ княжеское требованіе „примазать“ наловленныхъ полицією дѣтей къ православію, не смотря на то, что „многія дѣти сильно бунтовались“ т. е. „отбивались отъ примазки“ (стр. 192—4) ¹⁾.

¹⁾ «Старовѣры и вѣнды, замѣчаетъ г. Лѣсковъ, однаково употребляютъ

А между тѣмъ и распоряженіе князя Суворова и дѣйствіе рижской епархіальной власти имѣли строгаго законное основаніе. Дѣло въ томъ, что въ царствованіе Императора Николая Павловича наряду съ закономъ: „раскольники не преслѣдуются за жнѣнія ихъ о вѣрѣ и за совершеніе богослуженія и духовныхъ требъ по своимъ обрядамъ, лишь бы не было при семъ публичнаго оказательства сихъ обрядовъ и ученія раскольническаго“ (Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 343), существовалъ другой законъ, которымъ требовалось: „дѣтей раскольниковъ вообще крестить по обряду православной греко-россійской церкви, и старообрядцами или раскольниками не считать“ (тамъ же, стр. 288). Когда и подъ какими вліяніями явился этотъ послѣдній законъ и какъ великъ былъ кругъ его дѣйствія, мы не знаемъ ¹⁾, но то несомнѣнно, что впоследствии онъ былъ примененъ и къ дѣтямъ рижскихъ раскольниковъ, если не ко всѣмъ (тамъ же, стр. 291, 343 и 495), такъ по крайней мѣрѣ къ незаконнорожденнымъ. Въ 1838 году остзейскій генераль-губернаторъ уже испрашивалъ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ „какъ должно поступать съ раскольниками въ случаѣ *сопротивленія* ихъ къ окрещенію незаконнорожденныхъ дѣтей своихъ въ православной вѣрѣ, и, въ особенности, что должно дѣлать съ таковыми дѣтьми“. При этомъ генераль-губернаторъ присовокуплялъ, что „если, окрестивъ ихъ *насилъно* въ православіе, оставлять при матеряхъ, то они могутъ сдѣлаться закоренѣлыми раскольниками“. По доведеніи объ этомъ до свѣденія Государя Императора, Его Величество 30 апрѣля Высочайше повелѣть соизволилъ: „въ разрѣшеніе сего представленія сообщить ге-

слово «примазывать» вмѣсто «присоединять». Первые дѣлаютъ это съ ироніей, а вторые съ простодушіемъ по непониманію. (стр. 194). Любопытно было бы знать, съ кѣмъ въ данномъ случаѣ желаетъ быть солидарнымъ самъ авторъ «Иродовой работы», не разъ безъ всякой нужды употребляющій слово «примазывать» вмѣсто: присоединять.

¹⁾ Известно только, что этому закону были подчинены раскольники тульского и ижевскаго оружейныхъ заводовъ (Собр. пост. по ч. раск. 1858 года, стр. 309).

нераль-губернатору, что въ подобныхъ случаяхъ надлежитъ руководствоваться существующими постановленіями, и во всякомъ случаѣ незаконнорожденныхъ отъ раскольниковъ крестить въ православной вѣрѣ, оставляя на прокормленіе при матеряхъ; а дабы не дать укорениться въ сихъ дѣтяхъ раскольническимъ понятіямъ, то изъ нихъ мужеска пола зачислять въ военные кантонисты, по достиженіи установленнаго для того возраста, а женска пола пристраивать по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія“ (тамъ же, стр. 299—300). Не смотря однакоже на такое категорическое Высочайшее повелѣніе, вопросъ о крещеніи незаконнорожденныхъ дѣтей рижскихъ раскольниковъ былъ снова возбужденъ начальствомъ остзейскаго края въ 1847 году, разумѣется, по интригамъ раскольниковъ. Въ этомъ году рижскій генераль-губернаторъ, обращаясь къ министру внутреннихъ дѣлъ съ разнаго рода недоумѣніями относительно раскола, спрашивалъ его между прочимъ и о томъ, „можно ли не препятствовать раскольникамъ крестить по своему обряду дѣтей отъ нихъ раждающихся“. Государь Императоръ, до свѣденія котораго было доведено объ этомъ предметѣ, указавши на Высочайшее повелѣніе 30 апрѣля 1838 года, только что приведенное нами, и замѣтивши, что „отправленіе раскольниками богослуженія по ихъ обрядамъ оставляется безъ вниманія“, Высочайше повелѣлъ сообщить рижскому генераль-губернатору, что „дѣти безсемейныхъ раскольничьихъ дѣвокъ и женщинъ, брошенныхъ тѣми, съ кѣмъ онѣ имѣли незаконное сожительство, во всякомъ случаѣ должны быть крещены въ православной вѣрѣ“ (тамъ же, стр. 495—6) ¹⁾. На основаніи ука-

¹⁾ Повидимому въ разсматриваемое время незаконнорожденныя дѣти раскольниковъ обязательно крестились въ православной церкви. Въ 1858 г. жена подпоручика Александра Савицкая, въ всеподданнѣйшемъ прошеніи на высочайшее имя объясняла, что, принадлежа по рожденію къ беспоповщинской сектѣ, прижила она дѣтей: Николая и Ольгу, кои крещены въ православной церкви и записаны незаконнорожденными (Собр. пост. по ч. раск. 1860 г., кн. 2, стр. 812). Что же касается власти духовной, то въ данное время она разрѣшала крестить дѣтей только тѣхъ раскольниковъ, которые сами пригла-

занных данныхъ князь Суворовъ имѣлъ не только право, но и обязанность — прежде, чѣмъ разсылать пойманныхъ полиціей незаконнорожденныхъ раскольничьихъ дѣтей въ баталіоны военныхъ кантонистовъ, или въ заведенія приказа общественнаго призрѣнія, препроводить ихъ къ духовному начальству — съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя, вопреки Высочайшимъ повелѣніямъ, по небрежности, или даже потворству полиціи, были крещены не по обрядамъ православной церкви, а по обрядамъ раскола, были присоединены къ православію чрезъ муропомазаніе. То обстоятельство, что родственники присоединяемыхъ къ церкви раскольничьихъ дѣтей нерѣдко старались помѣшкать этому присоединенію и для этого врывались въ церковь и производили въ ней шумъ, можетъ удивлять только г. Лѣскова (стр. 194), который, кажется, мало знакомъ съ фанатизмомъ раскольниковъ и ихъ заклятою враждою къ церкви православной. А кто знаетъ расколъ поближе, тому извѣстно, что раскольники, жалуясь на стѣсненія и добиваясь свободы для себя, — съ крайнею нетерпимостію относятся къ свободѣ убѣжденій въ другихъ и всячески преслѣдуютъ тѣхъ изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, которые, убѣдившись въ неправотѣ раскола, изъявляютъ намѣреніе обратиться къ церкви. Въ подтвержденіе сказаннаго можно было бы указать не мало примѣровъ изъ исторіи раскола въ царствованіе Императора Николая Павловича (см. напр. Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 168 и 204); но такъ какъ дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ извѣстно всѣмъ, кто хотя не много знаетъ расколъ, то мы ограничимся только

шли для этого православныхъ священниковъ (тамъ же, стр. 251—5; см. стр. 314). Такой взглядъ на дѣло, какъ болѣе правильный, высказывала иногда и свѣтская власть. Въ 1843 году Государь Императоръ, имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ раскольники хотя представляютъ дѣтей своихъ для крещенія приходскимъ священникамъ, но не смотря на это воспитываютъ ихъ въ расколъ, 24 декабря высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы приходскіе священники совершали святое крещеніе «надъ тѣми изъ раскольническихъ дѣтей, которыя будутъ для того къ нимъ приносимы» (Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 436).

слѣдующимъ болѣе близкимъ къ намъ случаемъ: въ 1869 году раскольника вятской губерніи, починка Еловскаго, мальканской волости, крестьянская дѣвица Анна Бабина рѣшилась присоединиться къ православію; когда она уже была въ церкви и, по совершеніи обряда присоединенія, готовилась къ принятію св. Таинъ, — вдругъ явились въ церковь и ея братья — Архипъ и Иванъ Бабины; съ неистовствомъ и крикомъ бросившись на новоприсоединенную, они схватили ее, съ шумомъ и бранью потащили изъ церкви и, вытащивъ, стали наносить ей побои за то, что она обратилась къ православію; за это безчинство Бабины рѣшеніемъ вятской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, состоявшимся 15 мая 1869 года, присуждены были къ заключенію въ тюрьму на три мѣсяца, или наказанію розгами.

Обвиняя князя Суворова въ „неслыханныхъ“, чисто „суворовскихъ“ мѣрахъ противъ рижскихъ раскольниковъ, г. Лѣсковъ сознается, что время, въ которое пришлось Суворову дѣйствовать въ должности генераль-губернатора остзейскаго края, было „жестокое“ (стр. 195); но онъ очень недоволенъ (стр. 198) профессоромъ московской академіи Н. И. Субботинимъ за то, что послѣдній въ статьѣ своей: „о сущности и значеніи раскола въ Россіи“ заявилъ, что мѣропріятія противъ раскола, издававшіяся въ царствованіе императора Николая, достигли бы своей доброй и желательной для православія цѣли (уничтоженія раскола), „если бы Императоръ Николай имѣлъ опытныхъ и искусныхъ, а главное вполне честныхъ и безкорыстныхъ исполнителей своихъ плановъ противъ раскола“ (стр. 26). Мы затрудняемся сказать, что было бы съ расколомъ, если бы все направленныя противъ него въ царствованіе Императора Николая мѣры исполнялись низшими инстанціями точно и добросовѣстно; но мы можемъ заявить, что мысль о „продажности чиновниковъ“, такъ или иначе соприкасавшихся съ расколомъ, высказанная г. Субботинимъ, не — новая. Еще въ прошломъ столѣтіи сами раскольники часто въ бесѣдахъ между собою говаривали: „аще бы не снисходили къ намъ господа чрезъ

даянія наша скудная, то давно и духъ бы нашъ не пахнулъ на земли“ (Обзоръ русск. дух. лит., т. 2, стр. 34—5). Что же касается царствованія Императора Николая, то объ его системѣ дѣйствій относительно раскола и объ исполнителяхъ ея мы имѣемъ судъ слишкомъ авторитетный. Когда въ 1858 году возникъ вопросъ: „какой системѣ въ отношеніи раскольниковъ слѣдовать на будущее время, т. е. теперешней-ли, или избрать иную“, Царь-Освободитель изволилъ признать, что „въ измѣненіи нынѣ дѣйствующей системы надобности не представляется“ и что „неудобства“, какія встрѣчали мѣстныя начальства въ своихъ дѣйствіяхъ относительно раскольниковъ, „происходятъ не отъ самой системы дѣйствій въ отношеніи раскольниковъ, но отъ неточнаго и неправильнаго исполненія оной, происходящаго или отъ неблагонамъренности исполнителей въ низшихъ инстанціяхъ, или, можетъ быть, и отъ неумышленности по недостаточному знанію многочисленныхъ и разнообразныхъ узаконеній на счетъ раскола, въ разное время и по разнымъ вѣдомствамъ изданныхъ“ (Собр. пост. по ч. раск. 1860 г., кн. 2, стр. 792—3). Не лишнимъ считаемъ указать здѣсь взглядъ на тотъ же предметъ приснопамятнаго московскаго святителя Филарета. Когда въ 1864 году, по Высочайшему повелѣнію было спрошено его мнѣніе по разнымъ вопросамъ о расколѣ, бывшимъ предметомъ разсмотрѣнія особаго Высочайше учрежденнаго 6 февраля того же года временнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ,—маститый архипастырь въ отношеніи на имя предсѣдателя комитета графа Панина писалъ между прочимъ слѣдующее: „расколъ не имѣеть ума и чувства, чтобы жить ими. Онъ жилъ фанатизмомъ, и фанатизмъ съ теченіемъ времени ослабѣвалъ. Но расколъ поднялся и возросъ деньгами и покровительствомъ, которымъ парализуемо и дѣйствіе законовъ и дѣйствіе православнаго духовенства. Да устранить сіи причины зла проникательная мудрость правящихъ и вѣрность исполнителей“.

Г. Лѣсковъ увѣряеть, что во имя „исторической правды“ изъ числа певѣрныхъ исполнителей закона слѣдуетъ исключить

„по крайней мѣрѣ нѣмецкихъ чиновниковъ остзейскаго края“ (стр. 198). Мы увѣрены, что если бы автору „Иродовой работы“ были извѣстны вышеприведенныя нами Высочайшія повелѣнія относительно рижскихъ раскольниковъ, которыя, по его словамъ, пришлось приводить въ исполненіе „русскому князю“ Суворову, — онъ изъ уваженія къ „исторической правдѣ“ безъ сомнѣнія произнесъ бы иной судъ не только о нѣмецкихъ чиновникахъ остзейскаго края, но и о самомъ князѣ Суворовѣ. Правда, есть извѣстіе, что князь Суворовъ, по вступленіи въ должность генералъ-губернатора прибалтійскихъ губерній, „жарко взялся за дѣла раскольниковъ, но только съ тѣмъ, чтобы пустить пыль“ (Христ. Чтен. 1884 г., № 7—8, стр. 113). Весьма вѣроятное извѣстіе: не сочувствуя интересамъ православія въ остзейскомъ краѣ, будучи даже „открытымъ разрушителемъ“ его (тамъ-же, стр. 114), онъ, разумѣется, не могъ искренно сочувствовать и тѣмъ Высочайшимъ повелѣніямъ, которыя были направлены противъ рижскихъ раскольниковъ въ интересахъ православной церкви. Но все же въ данномъ случаѣ князь Суворовъ не только „не изобрѣталъ и не устанавливалъ никакихъ особыхъ мѣръ для угнетенія своихъ соотчичей старой вѣры“, не только „не вводилъ своего монарха въ заблужденіе“, не только „не уклонялся отъ исполненія Высочайшей воли“, въ чемъ обвиняетъ его г. Лѣсковъ (стр. 199 и 206), но напротивъ явился нѣмецки точнымъ, хотя, быть можетъ, и лицемернымъ ея исполнителемъ, и притомъ, что особенно интересно, наперекоръ нѣмцамъ, которые рекомендовали ему „прогрессію“ — въ видѣ потворства раскольникамъ, вопреки явному закону. Заслуга небольшая, но и не такое дѣло, которое могло бы „слишкомъ тяготѣть на доброй памяти“ (стр. 207) свѣтлѣйшаго.

Что же касается статьи г. Лѣскова, подъ заглавіемъ: „Русскіе дѣятели въ остзейскомъ краѣ“, въ которой онъ, описывая первые шаги дѣятельности князя Суворова въ должности генералъ-губернатора прибалтійскихъ губерній, ведетъ рѣчь между прочимъ и объ отношеніи его къ рижскимъ раскольникамъ, то опредѣлить

степень достовѣрности сообщаемыхъ въ ней свѣденій болѣе, чѣмъ трудно, вслѣдствіе частнаго и такъ сказать интимнаго характера источника этихъ свѣденій. Капвой, на которой г. Лѣсковъ вышиваеетъ здѣсь свои подѣ часть очень причудливые узоры, служило для него письмо покойнаго Ю. Ѳ. Самарина къ покойному же бывшему профессору кіевскаго университета В. Я. Шульгину, писанное, по словамъ г. Лѣскова, „въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 года“ (Историч. Вѣстн. 1883 г., ноябрь, стр. 238). Въ этомъ письмѣ, по увѣренію г. Лѣскова, авторъ „Окраинъ Россіи“, передавая г. Шульгину „полную хронику того, что князь Суворовъ надѣлалъ въ Ригѣ въ первыя три недѣли со вступленія его въ должность остзейскаго генераль-губернатора“ (тамъ же, стр. 239), ведетъ рѣчь не только о томъ, что Суворовъ въ первое по пріѣздѣ въ Ригу воскресенье былъ при богослуженіи въ своей домово́й церкви, а въ день Благовѣщенія—въ приходской церкви, гдѣ служилъ мѣстный преосвященный (тамъ же, стр. 240), но даже и о томъ, что въ „Свѣтлое Христово воскресенье Суворовъ не поѣхалъ въ соборъ слушать заутреню, вслѣдствіе чего архіерей служилъ ее также не въ соборѣ, а въ замковой церкви“ (т. е. въ домово́й церкви генераль-губернатора), а послѣ службы князь, когда пришли къ нему „русскіе купцы“, не сталъ съ ними христосоваться, объяснивъ это между прочимъ тѣмъ, что „русскіе купцы потѣютъ“ (тамъ же, стр. 255). Между тѣмъ въ 1848 году пасха была 11-го апрѣля, и, слѣдовательно, пиша Шульгину въ мартѣ, Самаринъ не могъ передавать ему того, что случилось въ апрѣлѣ. Чтобы объяснить эту странность ¹⁾, г. Лѣсковъ въ декабрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ снова начинаетъ разглагольствовать по поводу служенія (въ 1848 году) рижскимъ преосвященнымъ пасхальной заутрени не въ соборѣ, а въ домово́й церкви генераль-губернатора, при чемъ подѣ чертой дѣлаеетъ слѣдующее

¹⁾ Самъ ли авторъ «Иродовой работы» догадался объ ней, или другіе указали ее ему, неизвѣстно.

замѣчаніе: „выражая намѣненіе объ этомъ прискорбномъ случаѣ, мы сами не знаемъ ¹⁾), какого именно изъ рижскихъ архіереевъ это касается. Цитируемое нами письмо Самарина *не датировано его рукою* (??), а покойный Виталій Яковлевичъ Шульгинъ написалъ ввизу его „1848 г. февраль или мартъ“, что несомнѣнно надо считать ошибкою. *По крайней мѣрѣ въ февралѣ* это письмо никакъ не могло быть писано, потому что въ немъ рѣчь идетъ о пасхальной заутренѣ, а пасха никогда въ февралѣ не приходится. Слѣдовательно, *письмо это могло быть писано не раньше самыхъ послѣднихъ чиселъ марта, или всего вѣроятнѣе, въ апрѣлѣ*. Несомнѣнно же можно быть увѣреннымъ, что оно писано во всякомъ случаѣ *раннею весною* (курсивъ въ подлинникѣ) 1848 года, а пасха въ этомъ году приходилась 11-го апрѣля“ (стр. 497—8). Надѣмся, читатель самъ понимаетъ всю прелесть этого объясненія; а потому, оставляя этотъ темный вопросъ въ сторонѣ, мы ограничимся только слѣдующимъ замѣчаніемъ: г. Лѣсковъ не разъ говоритъ, что „Благовѣщеніе у насъ приходится въ великій постъ“ (январь, стр. 240), „незадолго предъ русскою пасхою“ (тамъ же, стр. 254). Если авторъ „Иродовой работы“, съ Божіею помощію, дождется свѣтлаго праздника въ приближающемся 1885 году (чего мы отъ всей души желаемъ г. Лѣскову), онъ убѣдится въ томъ, что Благовѣщеніе бываетъ иногда и *не* въ посту; а изъ того, что пасха приходится иногда 25 апрѣля, онъ можетъ смѣло заключить, что Благовѣщеніе иногда бываетъ „задолго предъ русскою пасхою“.

И. Нильскій.

¹⁾ Г. Лѣсковъ не рѣдко берется за то, чего не знаетъ; такъ напр. въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1832 г. (стр. 233—4) онъ напечаталъ, какъ неизвѣстный ему, указъ Петра Великаго о томъ, чтобы въ великій постъ по церквамъ вмѣсто Ефрема Сирина и сборника читали новопечатные буквари съ толкованіемъ заповѣдей Божіихъ; а между тѣмъ указъ этотъ давно напечатанъ не только въ полномъ собраніи постановленій и распоряженій по вѣдомству православнога исповѣданія российской имперіи (т. III, № 1012), но и въ 1-мъ полномъ собраніи законовъ российской имперіи (№ 4172); г. Лѣсковъ, очевидно, не зная этого, влѣдствіе чего напечаталъ указъ съ ошибками.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки